

Глава вторая. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

“ Исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах...

П. А. Кропоткин, 1902

Встречи с Лениным

“ Открыть «эру красного террора» значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ею пути...

П. А. Кропоткин, 1918

Конечно, Кропоткин не мог предположить, что один из тех русских социал-демократов, которых он слушал в Лондоне в 1907 году и презрительное отношение которых к крестьянству его просто возмутило, возглавит Россию, только что освободившуюся от самодержавия. Но так получилось в результате разгоревшейся борьбы за власть. Впрочем, борьбы почти не было: просто большевики вырвали эту власть у слабо державшегося за нее Керенского. Кропоткин видел непоследовательность политики Временного правительства, его медлительность в решении проблем, связанных с землей и организацией местного самоуправления. Большевики же с их лозунгами «Землю — крестьянам!» и «Вся власть Советам!» обещали решительные действия в этих направлениях. К тому же Ульянов-Ленин совсем неплохо писал о государстве, правильно понимая его как аппарат для насилия и угнетения, который в будущем будет упразднен, подчеркивая, что в этом он вполне согласен с анархистами.

Советы были созданы впервые во время революции 1905 года творчеством народных масс, и Кропоткину казалось, что ассоциация этих рожденных на местах органов самоуправления сможет заменить централизованную власть государства и обеспечить обществу политическую свободу. Надежды на торжество экономической свободы он связывал с кооперативным движением, тоже зародившимся «снизу». Поэтому он, хотя и очень сдержанно, поддержал произведенный большевиками при содействии левых эсеров и анархистов переворот в октябре семнадцатого.

Разочарование наступило достаточно быстро, но все же оставалась надежда на то, что сама жизнь заставит новую власть приступить к строительству общества подлинного народовластия, а не возвращаться к централизованному государству. Обстоятельства, однако, складывались крайне неблагоприятно. Провозглашенная большевиками диктатура пролетариата, разгон ими Учредительного собрания, в котором они не получили большинства, устранение из правительства представителей других социалистических партий — все это вызвало отрицательную реакцию в широких кругах общества. В 1918 году советское правительство приняло ряд мер, получивших название «политики военного коммунизма». Была национализирована вся крупная, средняя и большая часть мелкой промышленности, управление которой строилось на основе строгой централизации, запрещена частная торговля, введены нормированное снабжение и система обязательной сдачи излишков продовольствия (продразверстка). Дело завершило введение цензуры и закрытие нелояльных правительству газет и журналов, в том числе старейших в России журналов «Русская мысль», «Нива», «Русское богатство». Начались массовые аресты, а потом и расстрелы. Все это свидетельствовало о том, что в стране утвердилось жесткая диктатура одной партии, возродилось своего рода самодержавие, о чем еще много лет назад предупреждал Кропоткин в своих «Речах бунтовщика».

Разгорелась гражданская война, в которой против новой власти выступили и монархисты, и сторонники капиталистического развития страны, и эсеры, и социал-демократы (меньшевики). Поддерживая противников режима, страны Антанты начали открытую интервенцию. Противники «диктатуры пролетариата», среди которых оказались и эсеровские наследники «Народной воли», возродили применявшуюся ими при царизме тактику индивидуального террора. В Петрограде были убиты председатель местной ЧК Урицкий и комиссар по печати Володарский, а потом газеты сообщили, что 30 августа 1918 года в Москве во время митинга на заводе Михельсона совершено покушение на жизнь Ленина. Была задержана эсерка, бывшая анархистка, прошедшая каторгу Акатуя, Фанни Ройтман (Каплан). Ее расстреляли, но сразу же появились сомнения в том, что именно она стреляла в Ленина.

Кропоткин поверил в официальную версию покушения и отложил отправку своего письма, содержащего критику действий новой власти. Особенно негативной была его реакция на введение института заложников. В соответствии с опубликованным списком, в который вошли члены царской семьи, министры, генералы, все они должны были быть расстреляны в случае совершения покушений на руководителей большевистской партии и советского правительства. Кропоткин внимательно следил за тем, что происходило в стране, по газете «Известия ВЦИК» — единственному периодическому изданию, которое можно было достать в Дмитрове.

Две недели подряд в газетах публиковались бюллетени о состоянии здоровья Ленина. Параллельно им шел материал о похоронах Урицкого в Петрограде, во время которых звучали призывы: «На белый террор контрреволюционеров ответим красным террором революции!», «За каждого нашего вождя — тысячи ваших голов!» И вот появился разосланный наркомом внутренних дел Григорием Петровским всем Советам грозный приказ: «Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников... При малейших попытках сопротивления безоговорочно массовый расстрел...»

Вслед за приказом в органе Советов газете «Известия» была опубликована статья ведущего большевистского публициста Карла Радека «Красный террор», провозгласившая: «Пусть будет поднят красный меч массового террора и пусть беспощадно падет он на головы контрреволюционной буржуазии во имя победы народных масс!»

На следующий день «Известия» сообщили о публикации в петроградской газете «Северная коммуна» первого списка заложников. Его возглавили пять великих князей, родственников царя, министры царского правительства, банкиры, промышленники. Подобные этому списки стали составляться во всех губерниях, во всех уездах. И газеты запестрели сообщениями о приведенных в исполнение приговорах местных чрезвычайных комиссий. Эти сообщения не оставляли сомнений в том, что при таком упрощенном разбирательстве в ряд «контрреволюционеров, подлежащих ликвидации», попадало немало невинных людей.

Наконец, «Известия» сообщили: «Тов. Ленин почти поправился, ему разрешено заниматься делами». И вот тогда Кропоткин, допуская, что Ленин в первые дни после ранения газет не читал и о развернувшемся «красном терроре» ему не все известно, счел необходимым обратиться к нему с письмом. Он надеялся на возможность взаимопонимания. Вот его письмо:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Я прошу у Вас свидания, чтобы поговорить об очень серьезном вопросе — „красном терроре“. Я уверен, что Вы сами много об этом думали и не с легка на него решились, но тем не менее я решился высказать Вам, какое у меня, любящего Родину и революцию, сложилось отношение к террору после пережитого и передуманного об этом...

Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно. И, как и следовало ожидать от массы людей, мало знающих и мало думающих о таких вопросах, в них неизбежно заговорило прошлое и явилась мысль об ответном терроре. Но, к несчастью, и вожаки Вашей партии ответили не лучше массы...»

Далее Кропоткин обратился к опыту Великой французской революции и напомнил, что террор Комитета общественной безопасности погубил эту революцию: «Не сознавая того, что они делают, Ваши товарищи-террористы подготавливают то же самое в Советской республике... В русском народе большой запас творческих, строительств сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции... Открыть эру „красного террора“ значит признать бессилие революции идти далее по намеченному ей пути...»

Ответа не последовало. Однако Ленин высоко ценил пребывание всемирно известного Кропоткина на территории Советской республики и то, что он на первых порах, хотя и не без

серьезных оговорок, высказал поддержку советскому правительству. Очень важно, что он отказался эмигрировать и призвал рабочих западноевропейских стран не участвовать в интервенции против России. Так же Ленин был терпим и к В. Г. Короленко, тоже выступавшему с критикой политики пришедших к власти большевиков[86].

Еще в 1918 году Ленин подписал охранную грамоту, устанавливающую, что дом в Дмитрове, занимаемый Кропоткиным и его семьей, «не подлежит никаким ни реквизициям, ни уплотнению». По личному распоряжению председателя Совнаркома Кропоткину в Дмитров доставлялись медикаменты и продовольствие, в том числе присланное с Украины организатором анархической республики и повстанческой армии на юге Украины Нестором Махно.

Кропоткин встречался с Лениным, и не однажды (по крайней мере, два раза, а может быть и три), сохранились и его письма к Ленину. О первой встрече, имевшей место в октябре 1918-го, практически ничего не известно — сомнителен даже сам ее факт. Вторая встреча, состоявшаяся 3 мая 1919 года, была записана по памяти В. Д. Бонч-Бруевичем, предоставившим для нее свою квартиру в Кремле. Правда, не все историки склонны доверять тому, что Бонч-Бруевич записал и опубликовал в 1930 году в журнале «Звезда». Возможно, текст подвергся какой-то обработке, но главное, по-видимому, осталось. Беседа была откровенной, и в ней вполне узнаются характерные для каждого из собеседников интонации и речевые обороты.

...Узнав о желании Ленина встретиться с ним, Петр Алексеевич поехал на поезде в Москву. Остановился, как всегда, когда бывал в Москве, в Леонтьевском переулке, у сестер Выдриных. Позвонил в Кремль Бонч-Бруевичу о своем приезде: «Мне нужно о многом переговорить с Лениным». Владимир Дмитриевич, работавший одно время с Л. Н. Толстым, познакомился с Кропоткиным ранее, в связи с делом о переселении духоборов в Канаду. Он обещал устроить встречу. В назначенный день за Кропоткиным был прислан автомобиль. Поехали в Кремль.

Когда по крутой лестнице на второй этаж поднялся человек, которого именовали в газетах «серебряным князем русской революции», Ленин вышел ему навстречу, взял под руку, проводил в комнату и заботливо усадил в кресло: все-таки разница в возрасте у них была солидной — почти 30 лет. Сам сел за стол напротив. Еще до приезда Кропоткина Ленин говорил с Бонч-Бруевичем о его книгах, публицистической силой которых всегда восхищался. Считал их очень нужными и полезными. «Нет более ничего зловредного, как думать, что история нашей страны начинается с того дня, когда свершилась Октябрьская революция», — сказал он.

Кропоткин начал со своей излюбленной темы — заговорил о кооперации. В ней он видел единственно верный путь строительства новой жизни на социалистических началах. Ленин согласился, но указал на то, что, пока идет гражданская война, вопросы классовой борьбы стоят на первом плане и надо иметь в виду, что такая форма, как кооперация, может быть использована врагами трудящихся — кулаками, торговцами. Этой опасности Кропоткин не видел, не разделяя классового подхода к кооперации.

Он повел речь о множестве излишних жертв в гражданской войне. Надо бы, мол, перестать разрушать и перейти к «построительной работе». Ленин встал из-за стола и заходил по комнате, заговорил взволнованно: «В белых перчатках революцию не сделаешь! Мы прекрасно знаем, что сделали много ошибок. Все, что можно исправить, — исправим».

Ленин убеждал: о нормальной созидательной работе можно говорить только после окончательной победы в гражданской войне. А пока нужна борьба беспощадная, бескомпромиссная... А Кропоткин снова за свое: «Конечно, вы правы, без борьбы дело не обойдется... Но вот вы говорите, что без власти нельзя, а я говорю, что можно... Вы посмотрите, как всюду и везде разгорается безвластное начало... Кооперативное движение огромно и в высшей степени важно по своей сущности...»

Ленин насмешливо блеснул глазами, как бы недоумевая, что это старик все о кооперации да о кооперации: «Это все прекрасно. Конечно, кооперативное движение важно... Что об этом говорить! Это совершенно очевидно, раз оно будет настоящее кооперативное движение, связанное с широкими народными массами населения...»

По-видимому, в беседе Кропоткин напомнил Ленину о своих опасениях относительно возможного превращения советской власти в подобие самодержавия в случае, если она будет опираться не на народную инициативу, а на диктатуру одного класса и террор. Об этом Бонч-Бруевич в своих записках умолчал, но вспомнил, что по дороге в свой кабинет Ленин сказал ему: «Как он писал раньше, как свежо и молодо думал! И как устарел... Ведь если только послушать его на минуту, у нас завтра же будет самодержавие, и мы все, и он между нами, будем болтаться на фонарях, и он только за то, что называет себя анархистом». А потом добавил: «И все-таки он для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые он сделал... Вы, пожалуйста, не оставляйте его, смотрите за ним и его семьей, и обо всем, что только для него нужно, сейчас же сообщайте мне, и мы вместе обсудим все и поможем ему»[87].

А Кропоткин, вернувшись на квартиру в Леонтьевском переулке, по словам встретившего его там Александра Атабекияна, спросил его:

— Не осуждаете ли меня? Я виделся с Лениным по расстрелам заложников... Уже расстреляны многие великие князья...

Атабекиян сказал, что по такому делу даже к царю пошел бы.

— Так, значит, не осуждаете... Я их немного припугнул...

И в самом деле (а может быть, по какой-то иной причине) газеты на время перестали публиковать списки расстрелянных заложников, Чрезвычайная комиссия занялась главным образом борьбой с бандитизмом.

Федерация, самоорганизация, кооперация...

“ Вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться от форм простых к сложным через свободный союз свободных групп...

П. А. Кропоткин, 1917

В условиях почти полной изоляции от внешнего мира Кропоткин продолжал черпать информацию из газет. В январе 1919 года в Советской России объявили траур по убитым в Германии лидерам немецких коммунистов Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вскоре после того, как была отмечена вторая годовщина Февральской революции (о ней пока еще помнили «победители Октября»), скоропостижно скончался, как было официально сообщено, «от воспаления легких» председатель ВЦИК Яков Свердлов. Апрель начался сообщением о «советской революции» в Баварии. Редактор «Известий» Ю. Стеклов писал в передовице: «Советская семья обогатилась новым членом». Кажется, начал разгораться пожар мировой революции, о которой не уставали говорить большевики. Но уже 13 апреля появились лозунги: «Социалистическое отечество в опасности!» и «Все на борьбу с Колчаком!» Главная угроза возникла на востоке, в Сибири, где бывший полярный исследователь, участник экспедиции Эдуарда Толля адмирал А. В. Колчак провозгласил себя «верховным правителем России».

Однако Кропоткин на все эти события никак не отреагировал — его в то время больше занимал вопрос о кооперации. Возвращаясь в Россию после Февральской революции 1917 года, он напряженно думал о том, по какому пути пойдет формирование ее нового государственного и общественного устройства. Собственно, у него уже давно сложились на этот счет определенные представления, и он их неоднократно высказывал. Будучи реалистом, он не предлагал, как можно было ожидать, немедленной отмены государства и введения анархии — этот процесс должен был занять долгие годы. Идеи Великой французской революции, разгромленной и побежденной, стали основой эволюционного развития, продолжавшегося целое столетие. Таковы судьбы всех революций: хоть и побежденные, они наполняют содержанием следующую за ними эволюцию, И вот совет, который он дает новой власти в России: «Вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться от форм простых к сложным через свободный союз свободных групп. Теперь стесненный, этот ход и является истинным ходом развития общества. Не пытайся мешать ему, не поворачивайся спиной к прогрессу, шествуя вместе с ним!»

За три года до революции, в вышедших отдельной книгой «Письмах о текущих событиях», посвященных в основном событиям мировой войны, он дает более конкретный совет: «Убедительно рекомендую всем любящим Россию и вдумчиво относящимся к ее будущему серьезно познакомиться с федеративным строем Канады и Соединенных Штатов. Россия

неизбежно должна будет пойти по этому же пути... Нужно привлечение местных общественных организаций... десятки тысяч работников из всех классов общества, поощряя образование профсоюзов и создавая производительные и потребительные кооперативы в неслыханных прежде размерах... Нужно творчество всенародное людей повседневной жизни... иначе как крупным самостоятельным общим делом ее (Россию. — В. М.) нельзя пробудить».

В 1918 году он организует в Москве Лигу федералистов и на ее заседании 7 января говорит: «Все яснее становится невозможность управлять из одного центра 180 миллионами людей, расселившимися на чрезвычайно разнообразной территории, гораздо большей, чем вся Европа... Все яснее становится сознание, что истинная творческая сила этих миллионов людей проявится только тогда, когда они почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и со своим историческим прошлым...» В этой же речи, вспоминая о том, как управлялась из Петербурга Сибирь полвека назад, когда он там служил, Петр Алексеевич заключил: «Так идет и теперь. Централизация — язва не только самодержавия...»

По существу, федерализм — синоним анархизма, и Лига федералистов, председателем которой он был избран, трансформировалась из Всероссийской федерации анархо-коммунистов. Произведя терминологическую замену, Кропоткин хотел показать ближайшую цель, встающую перед Россией после падения империи, которую он видел во всемерном развитии федерализма. Огромная по территории страна, полагал он, «должна сложиться в федерацию тесно связанных между собой народоправств с сильно развитым независимым самоуправлением». Так писал он в статье, напечатанной уже после его смерти в первом номере журнала «Голос минувшего» за 1922 год. Он считал, что федерализм — форма политического объединения, которая «лучше всякой другой даст возможность той громадной и глубокой перестройке всей хозяйственной жизни, которая теперь поставлена на очередь во всем образованном мире...». То, что происходит в России, следует считать частью общечеловеческого процесса, принимающего в каждой местности свои формы, отвечающие местным потребностям и национальному характеру.

Об этом говорил Кропоткин на первом съезде Лиги федералистов. Он исторически обосновал необходимость создания на обломках империи федерации самоуправляемых территорий, вспомнив в этой связи государственного деятеля времен правления Александра I М. М. Сперанского, который предлагал в каждой губернии избирать свой совет для решения всех местных дел. Только с падением самодержавия эта старая идея может быть реализована. Смысл ее — в уничтожении губительной для общества централизации.

Примерно к этому же времени относится оставшаяся неопубликованной рукопись «К вопросу о федерации», где сформулировано: «Демократия — не что иное, как широко развитое самоуправление». Далее Кропоткин поясняет, что лишь при соединении мелких единиц в одно целое на федеративных началах может сохраниться самоуправление, а следовательно, и демократия. Децентрализация — первое необходимое условие подлинной демократизации общества. Условие его экономической демократизации — всеобщая кооперация производителей и потребителей.

Идею кооперации Кропоткин вывез из Англии, где она, собственно, и родилась. Ее автором считают Роберта Оуэна. Практическое воплощение идеи началось с середины XIX века — в 1844 году в Англии 28 ткачей образовали «Общество рочдельских пионеров», по сути, первый кооператив. Они опубликовали манифест, получивший широкую поддержку, и к началу XX века кооперативное движение охватило уже многие страны мира. Дошло оно и до России, получив наибольшее развитие на Алтае и в Западной Сибири. Сибирские маслодельные артели, объединившись в ассоциацию, завоевали тогда мировой рынок. Все дело здесь, как понял Кропоткин, в следовании присущим от природы человеку качествам — общительности, солидарности, взаимопомощи. В кооперации он видел наиболее яркое воплощение своих этических идей.

Кооперации в России покровительствовало земство — своеобразная система местного самоуправления, возникшая во второй половине XIX века. В частности, первое объединение дмитровских кооперативов было создано при уездной земской управе еще в 1914 году, а через год учрежден был союз, объединивший более тридцати артелей и товариществ. Его работой живо интересовался поселившийся в Дмитрове Кропоткин. Он назвал объединение местных кооператоров «зачатком нового строительства» и стал подлинным его другом. «С величайшим удовольствием смотрю я на работу кооперации, проникшей в самую глубь народной жизни», — говорил он в июле 1919 года на собрании уполномоченных Дмитровского союза кооперативов.

О необходимости ослабления централизации власти Кропоткин говорил в последней своей речи в ноябре 1920 года на съезде уполномоченных дмитровских кооперативов и в первом своем выступлении в Дмитрове на съезде учителей. Слова Кропоткина «Пусть только будет у нас несколько лет свободы...» звучали как заклинание. Он был убежден, что не может победить революция, которая не принесла с собой свободу.

Дмитровская кооперация, на которую он так надеялся, к концу года была полностью разгромлена. Даже сотрудников краеведческого музея (среди них и его секретаря Анну Шаховскую) в ноябре 1920 года без какой-либо причины арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. Кропоткин снова обращается к Ленину с просьбой отпустить арестованных кооператоров и ослабить давление на кооперативное движение. Частично удовлетворена была только первая просьба.

Но через четыре года, в 1923 году, Ленин публикует одну из последних своих статей — «О кооперации». Она начинается так: «У нас, мне кажется, недостаточное внимание обращается на кооперацию... В мечтаниях старых кооператоров много фантазии... Теперь многое из того... становится самой неподкрашенной действительностью». Возможно, к «старым кооператорам» он отнес именно Кропоткина (кого же еще?). «Строй цивилизованных кооператоров, — продолжал он, — при общественной собственности на средства производства... — это и есть строй социализма». Но ведь это прямо перекликается с тем, что говорил Кропоткин еще в книге «Взаимная помощь как фактор эволюции»: «Кооперация ведет человечество к высшей гармонической стадии экономических отношений...» И все же из этого ничего не вышло. Покончив с неудачным опытом государственного социализма (а по сути, того же капитализма, только без свободы), Россия пошла по проторенному капиталистическому пути, с образованием гигантских монополий и

нарастающим социальным неравенством. Экономическая эффективность, возможно, и возросла (если не обращать внимание на кризисы), но о гармонии говорить не приходится.

В 1920 году изгнанием с помощью махновской анархической армии Врангеля из Крыма завершилась Гражданская война в России. Победу в ней одержали большевики — наиболее радикальное крыло российских социал-демократов, с которыми Кропоткин познакомился в Лондоне почти полтора десятилетия назад. Тогда ему больше всего не понравились их пренебрежительное отношение к крестьянству, исключительная нетерпимость к иным взглядам, «византийщина». Конечно, их партия оказалась наиболее решительной в ситуации кризиса Временного правительства и сумела захватить власть. Провозглашена социалистическая революция, но курс взят на жесткую диктатуру, предельную концентрацию власти, подавление других, тоже социалистических партий и главное — народной инициативы. Большевики манипулируют сознанием масс, используя вполне иезуитские методы. Все это несовместимо с принципом социализма.

Экономика страны находилась в состоянии полной разрухи, около пятидесяти миллионов ее жителей было охвачено голодом. Бастуют рабочие, крестьяне протестуют против губительной для них системы продразверстки. В конце лета крестьянское восстание, возглавленное эсером А. С. Антоновым, охватило Тамбовскую губернию. На его подавление были брошены войска Красной армии под командованием Михаила Тухачевского, с артиллерией, танками, самолетами... Война с защитниками царского режима сменилась войной с тем самым пролетариатом, диктатура которого якобы установлена, и крестьянской массой, с народом.

Собиравшийся было вернуться к естественно-научным исследованиям, разработав в конце 1919 года проспект книги «Ледниковый и озерный периоды», Кропоткин считал необходимым вместо этого продолжить работу над вторым томом «Этики». Ее он признавал особенно важной в сложившейся обстановке, даже более важной, чем переиздание старых его произведений. А предложение о переиздании пришло непосредственно от Ленина. Его переслал Кропоткину в Дмитров 6 февраля 1919 года один из руководителей Государственного издательства Семен Мильнер. Петр Алексеевич ответил Мильнеру письмом, в котором он отказывается принять предложение советского правительства об издании четырех томов его сочинений тиражом 60 тысяч экземпляров. Признав «вполне прекрасными» эти намерения, Кропоткин в то же время пояснил, что принять предложение «значило бы признать, что правительство поступает правильно, становясь единственным издателем целого народа». Он имел в виду проведенную советским правительством национализацию книгоиздательского дела, закрытие всех частных и кооперативных издательств, что делает «невозможным всякое развитие мысли в России, кроме тех мыслей, которых держится правительство». Принятие предложения правительства «означало бы нравственное одобрение того, что целая страна низводится на степень рабского безмолвия...».

К середине 1920 года у Кропоткина сложилось определенно отрицательное отношение к происходящему процессу формирования централизованного государства. Оно изложено им в письме-послании, переданном делегации английских лейбористов, посетившей его в Дмитрове. В июне 1920 года делегация из девяти человек была направлена лейбористской партией Великобритании в Россию с целью определить характер происходивших в ней

событий. Ей удалось проехать по стране, посетить города Поволжья и Центральной России, встретиться с руководителями правящей и оппозиционных партий и с частными лицами, среди которых был и «Prince Kropotkine», как называли его на Западе в годы эмиграции. Его послание в качестве одного из приложений к отчету о поездке было опубликовано в Лондоне в том же 1920 году.

Сравнение текста отчета и послания Кропоткина убеждает в том, что именно мнение «дмитровского отшельника» английским лейбористам показалось более всего отвечающим действительному положению дел в России. «Россия переживает революцию, такой же глубины и такой же важности, — писал Кропоткин, — как Британия в 1639–48 и Франция в 1784–94 гг. Россия продолжила две эти великие революции, но попытка следующего шага с того места, на котором остановилась Великая Французская революция (установление экономического равенства), к несчастью, не удалась». Причина неудачи — установление диктатуры одной партии. Новое централизованное государство «естественным образом унаследовало все зло» тысячелетия господства в России самодержавия. Кропоткин подчеркивает, что «низвергнуть слабое Временное правительство и занять его место было нетрудно», но «к строительству новых форм жизни всесильное централизованное правительство, стремящееся обеспечить каждого жителя ламповыми стеклами и спичками, вместо того, чтобы позволить народу проявить свою инициативу, окажется неспособным»[88].

Под посланием стоит дата — 10 июня 1920 года. До кончины Кропоткина осталось восемь месяцев. Именно в этот период произойдет дальнейшее изменение его понимания положения в России. Оценка положения в стране, которая дана в переданном лейбористам послании, развернута в заметках, датированных 23 ноября того же 1920 года. Это, по-видимому, последняя рукописная статья Кропоткина, опубликованная в 1923 году под названием «Что же делать?» в берлинском журнале «Рабочий путь» (№ 5) как его политическое завещание.

Дочь Кропоткина Александра рассказывала: «Это было в Дмитрове вечером 23 ноября 1920 года. Отец мой позвал меня и мою мать, чтобы мы выслушали то, что он написал. Он был сильно взволнован и голос его дрожал... Его глубокая и активная любовь ко всему человечеству сделала крайне мучительным для него переживание чужих страданий, которых он не был в силах ни облегчить, ни предупредить. Неизбежность развития революции, шедшей с первых шагов по ложному пути, ведущему лишь к поражению и к реакции, была для его трезвого ума трагическим испытанием»[89].

Кропоткин рассматривает революцию в России как стихийный процесс, подобный землетрясению или тайфуну, «набегающему на берега Восточной Азии». Это — катастрофа, которую подготовили «все предшествовавшие революции». Этому стихийному движению ничто и никто не может противостоять. Любопытна и такая мысль: «В таком положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее». Пять месяцев назад в послании, переданном лейбористам, совершенно определенно говорилось, что именно правящая партия, подавляя инициативу масс и прибегая к командно-бюрократическим методам управления, мешает развитию революции, строительству снизу.

Описана ситуация хаоса, в котором должны были бы возникать признаки самоорганизации. Веривший совсем еще недавно в неизбежность победы местных творческих сил, теперь он убежден в том, что время упущено, остановить стихийное развитие событий оказалось невозможным, и «роковым образом придет реакция». Ее приход абсолютно неизбежен. «Точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны...» Кропоткин предсказал наступивший вслед за этим длительный период тоталитаризма — «самодержавия в худшем его виде». Возможность выхода из грядущей беспросветности он видел в объединении свободных людей — единомышленников, этически близких, которые осознают свою цель в бескорыстном расточении энергии для освобождения других от подчинения насилию. И это не политическая задача, предполагающая захват власти, а нравственная. По сути, речь идет о возвращении к организациям типа кружка «чайковцев», которые последователи Кропоткина А. Карелин и А. Солонович сравнивали с рыцарскими орденами Средневековья, с сообществом тамплиеров, выступивших против папской власти 600 лет назад, с которыми жестоко расправился французский король Филипп Красивый в 1313 году.

21 декабря 1920 года Кропоткин отправил письмо старому другу Вере Николаевне Фигнер, интересовавшейся, сможет ли он приехать в Москву, чтобы прочитать лекцию. «Насчет моего приезда, — пишет Петр Алексеевич, — должен сказать, что здоровье мое за последнее время так ненадежно, что и думать не могу о поездке. Сердце беспрестанно мучает, и притом, должно быть, еще малярия через день. В придачу случились еще невралгии — жестокие, каких я не помню с Женевы, больше сорока лет тому назад... Ну а лекцию — подавно не прочесть! Недавно я говорил на юбилее Дмитровского союза кооператоров. Еле договорил минут 20, с отчаянной болью в сердце...»[90]

Его душа страдала от того, что происходило вокруг: шло повсеместное наступление государственности, однопартийной власти, бюрократии, единомыслия. На собрании кооператоров, где Кропоткин выступил с речью, которая окажется его последним публичным выступлением, «вышел большевик и спокойно сказал, что это, мол, похороны союза...». Свободно сложившийся союз решено было превратить в бюрократическую организацию, в одну из канцелярий губернского продкомитета. Говоря об этом с горечью, Петр Алексеевич вспоминает: «Начиная с 1-го Интернационала (с 1872 г.), мы постоянно боролись против правила социал-демократов: раз не наше — пусть лучше не существует! Таков неизбежный лозунг государственной революции». И вот дошло дело до кооператоров. А ведь совсем недавно он доказывал Ленину, насколько важно сохранить эту форму народного творчества. И тот вроде бы соглашался, но назвал это все мелочами, пустяками, переключившись на свою главную тему — беспощадной классовый борьбы.

Вспомнился Петру Алексеевичу человек из далекого прошлого — Сергей Нечаев, иезуитскому «Катехизису» которого пытался противопоставить свою ненасильственную программу кружок «чайковцев». Может быть, потому-то и прижилось название кружка, что оно по звучанию как бы противостояло «нечаевцам», отрицателям нравственности. Всю жизнь разрабатывал Кропоткин нравственные основы анархизма, а теперь завершает «Этику» — анархическую, а значит, общечеловеческую, реалистическую, гуманистическую этику взаимопомощи и солидарности... Но какова будет ее судьба? Ведь Ленин говорил ему: «Только такая борьба увенчается успехом. Все остальные способы, в том числе и

анархические, сданы историей в архив, и они никому не нужны, никуда не годятся, никого не привлекают, только разлагают тех, кто так или иначе увлекается на этот старый, избитый путь...» В тот же день им написано последнее письмо Ленину, в котором поднимается вопрос о практикуемом ЧК захвате заложников с последующим их расстрелом. Оно было доставлено в Кремль, но никакого ответа снова не последовало.

Завершался двадцатый год...

В конце декабря Петр Алексеевич написал открытое письмо VIII Всероссийскому съезду Советов в связи с тем, что дело шло к закрытию всех кооперативных издательств. Обращаясь к высшему органу советской власти, Кропоткин считал, что нельзя допустить полной централизации печати в Российской советской республике:

«Не найдет ли Президиум возможным предложить на обсуждение Съезда вопрос чрезвычайной важности для России — вопрос о предполагаемом закрытии всех вольных кооперативных и товарищеских издательств...» Перечислив, что кооперативные издательства успели сделать для народа, он подчеркнул их преимущества: «И что всего важнее, в этих издательствах, где сами писатели становились издателями своих трудов, создавалось единство между процессом творчества и производством книги, которого отсутствие так вредно отзывалось на большинстве капиталистических издательств и тем более отзывалось на издательствах государственных...» И дальше: «Недаром человечество целую тысячу лет боролось за свободу путем невероятных жертв. Убить эту свободу и отдать громадную, вольную культурную работу в распоряжение государственных канцелярий значило бы заставить вас, представителей рабоче-крестьянской России, быть слепыми орудиями мрачного прошлого и связать высокие стремления социализма с прошлым насилием и торжеством обскурантизма — властью тьмы...»[91]

Этика человечности

“ Взялся за этику, потому что считаю безусловно необходимой эту работу.

П. А. Кропоткин, 1920

Отрицание управляющей функции государства естественным образом заставляет анархическое сознание, противостоящее государственничеству, особое внимание обратить на этику тех самых горизонтально складывающихся взаимоотношений людей, на основе которых формируется общество, освобожденное от насилия и принуждения.

Михаил Бакунин к концу жизни мечтал написать «Этику», но умер, не успев этого сделать. По существу, и Кропоткин не завершил работу, начав ее с подробного изложения истории этических взглядов, их развития с древнейших времен.

О взаимоотношениях людей между собой любой мыслящий человек думает всю жизнь. И когда жизнь завершается, возникает потребность подвести итог этим размышлениям,

выделить наиболее важное, самое существенное в этой жизни. На долю Кропоткина выпало воочию увидеть смену этических представлений в результате революции. Возник хаос, из которого должен был бы родиться новый порядок, новый строй жизни, основанный на этике взаимопомощи и солидарности. Но произошла подмена понятий, глубокий обман, вместе с которым под знаменем революции вернулась этика господства и подчинения, принуждения и насилия.

Именно тогда, в начале мая 1920 года, написал Кропоткин в письме Александру Атабекиану: «Я взялся за этику, потому что считаю безусловно необходимой эту работу». Когда его спрашивали, не хочет ли он написать революционную этику, он отвечал, что нужна этика «просто человеческая», реалистическая, лишенная мистики, присутствующей во всех религиях, общая для всех людей. Кропоткин признавал, что вечные идеалы нравственности нашли наиболее яркое выражение как в учении Христа, так и в буддизме: «Вместо жестоких и мстительных богов, велениям которых должны были покоряться люди, эти две религии выдвинули — в пример людям, а не в устрашение, — идеального богочеловека». «В словах „не мсти врагам своим“ — истинное величие христианства», — писал он в 1920 году, когда в России еще не отбушевала самая беспощадная из всех войн — гражданская.

Принимая христианский идеал нравственности, Кропоткин считал его все-таки недостаточно всеобъемлющим. Поскольку главные нравственные принципы всех религий очень близки, то, очевидно, думал он, у них единая основа, общий источник. С позиции естествоиспытателя он видел эту основу в природе. В работах философов-позитивистов Огюста Конта, Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера его привлекали идеи синтеза наук на естественно-научной основе. Но если позитивисты, касаясь этических проблем, не связывали истоки нравственности с природой, то Кропоткин свою концепцию построил целиком на природном фундаменте.

Первый том «Этики» состоит из тринадцати глав. Три первые — теоретические, остальные — исторические. Первая глава — «Современная потребность в выработке основ нравственности» — начинается с обзора последних достижений естественных наук. Они очень велики: ведь создан целый ряд новых отраслей знаний, а прежние учения о происхождении жизни, о положении человека в мире, о сущности разума изменены коренным образом.

И в то же время, замечает автор, не совсем верно было бы говорить, что во всех отраслях наука имеет в XIX веке больше успехов, чем на протяжении прежних веков. И чтобы подтвердить это свое положение, он возвращается на две с половиной тысячи лет назад, ко времени расцвета философии в Древней Греции. Тогда пробуждение ума было столь же могучим, как и в XIX веке. Здравая философия природы создана именно тогда. И к ней нужно вернуться, чтобы осознать и суметь использовать тот «дерзкий, смелый дух изобретательности», что вызван к жизни недавними успехами наук. А эти успехи привели к резкому росту производительности труда, и появилась возможность заметного увеличения благосостояния народов. С другой стороны, Кропоткин обращает внимание на сделанные в конце XIX столетия открытия в области физики — мира бесконечно малых частиц, взаимодействующих друг с другом и образующих основу всего мироздания, всей Вселенной. Этот принцип Кропоткин переносит на человеческое общество: «Современная наука дала

человеку очень ценный урок скромности. Она учит его считать себя лишь бесконечно малой частицей Вселенной. Она выбила его из узкой эгоистической обособленности и рассеяла его самомнение, в силу которого он считал себя центром мироздания...»

Целостность общества определяется взаимодействием многих составляющих его единиц — личностей. Именно изучение природы, заложившее основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, должно дать естественное объяснение источников нравственного начала личности и указать, «где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты».

Вторая глава «Намечающиеся основы новой этики» отвечает на вопрос, что мешает прогрессу нравственности, рассказывает о том, как развивался инстинкт общительности в животном мире и в человеческом обществе, и утверждает в качестве основной, реалистической этики взаимопомощь, справедливость, нравственность.

Именно эта этика призвана совместить два противоположных стремления, присутствующих у каждого человека, — к общительности, с одной стороны, и к становлению и развитию личности — с другой. И Кропоткин указывает на одно важнейшее условие современной теории нравственности: «Она не должна сковывать самостоятельности личности, даже ради такой высокой цели, как благо общества или вида».

Здесь замечается существенное отличие этики Кропоткина от той, которую до недавнего времени именовали «коммунистической», утверждавшей беспрекословное подчинение личности обществу, а сегодняшней жизни каждого — высоким целям будущего.

Исследуя происхождение нравственного чувства у человека, Кропоткин ссылается на идеи Дарвина, в книге которого «Происхождение человека» он нашел слова, указывающие на то, что создатель теории «борьбы за существование» рассматривает возникновение нравственности исключительно с точки зрения естествознания, а именно — из чувства общительности, врожденного и у высших животных, и у человека, полученного ими от природы. Дарвин отметил этот особый инстинкт, отличный от других, но мысль свою не развил, и она осталась многими не замеченной.

Происхождение нравственности пытались объяснить древнегреческие философы, средневековые схоласты, лучшие мыслители XVII века в Англии, французские материалисты и энциклопедисты XVIII столетия, позитивисты и эволюционисты столетия минувшего: Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Мишель де Монтень, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Огюст Конт, Чарлз Дарвин... Множество имен, за которыми стоят десятки систем этики, рассмотренных Кропоткиным.

Из них ближе всего ему оказалась «Философия надежды» французского философа Жана Мари Гюйо. В книге «Очерк нравственности без обязательства и без санкции» Гюйо утверждал, что жизни присуще стремление к беспредельному расширению и постоянному развитию; только в этом случае она плодотворна в самоутверждении. Все живое едино, и каждый индивидуум проникается влияниями других, солидарных с ним созданий. «Тяготение чувствований и воли», солидарность ума, взаимная проницаемость сознания

объединяют человечество. Поэтому для того, чтобы поступать нравственно, человек не нуждается ни в каком принуждении. «Мы чувствуем, что у нас больше энергии, чем ее нужно для обыденной жизни, и мы отдаем эту энергию другим: отправляемся в отдаленное путешествие, служим делу просвещения и образования и любому другому общему делу», — излагал идеи Гюйо Кропоткин.

В природе человека — расходовать свои силы за пределы личного бытия. Борьба и риск необычайно привлекательны потому как раз, что дают возможность выплеснуть свою жизнь «за край», не опасаясь гибели.

Итак, нравственность — внутренняя гармония человеческого существования, в то время как безнравственность — отсутствие этой гармонии, раздвоение, неуравновешенность противоречий.

«Нет никакого сомнения, что наибольшее счастье общества... — первая основа всякой этики». А оно зависит от счастья каждого, и, наоборот, счастье каждого не может не быть связано со счастьем всех. Сделав этот вывод, Кропоткин подходит к решению вопроса о совести, который считает очень важным: «Между тем, если нравы создаются историей развития данного общества, то совесть, как я постараюсь доказать, имеет свое происхождение гораздо более глубже в сознании равноправия, которое физиологически развивается в человеке, как и во всех общительных животных...»

Но доказать не пришлось. Рукопись оборвалась на этой фразе в начале февраля 1921 года...

Не случайно Кропоткин обратил внимание на феномен совести. «И словно сыплют соль мощною дорогой, белеет совесть предо мной...» — так писал Осип Мандельштам. Ему вторил Александр Блок: «Человеческая совесть побуждает человека искать лучшего...» И великий Дарвин, которым всю жизнь восхищался Кропоткин, утверждал: «Самую сильную черту отличия человека от животного составляет нравственное чувство, или совесть». А это как раз то свойство, которое связывает каждого человека со всеми другими, отдельную личность с «массой» людей, из которого рождаются солидарность и взаимопомощь.

От второго тома «Этики» остались наброски отдельных глав, по которым можно представить себе содержание всей книги. В основе ее лежит спор Кропоткина с социал-дарвинистами по вопросу об «аморальности природы». Глубоко убежденный в том, что природа нравственна, он именно в ней находил истоки всех самых высоких нравственных устремлений человека. Именно природа на заре человечества дала ему первые уроки нравственности. Последующая эволюция их закрепила. В этом смысле этика Кропоткина может быть названа и натуралистической, элементы которой обнаруживаются еще у Руссо, а потом у Дарвина и Бюхнера. Эти философы отрицали сверхъестественное происхождение нравственности. С таким же отрицанием выступил и Петр Кропоткин.

Человек порожден природой, неотделим от нее и подчиняется ее законам, в том числе и моральному. А он гласит: для каждого индивидуума злом является то, что препятствует прогрессивному развитию вида, добром — то, что ему способствует. Как Кропоткин установил уже в своих биосоциологических работах, фактором прогрессивного развития в

природе оказывается не столько борьба, сколько общительность, взаимная помощь, поддержка, солидарность.

Нравственный закон природы проявляется не в форме абсолютно присущего всем живым существам образа поведения, а как «совет», основанный на длительном опыте, превращающийся в привычку, без которой «никакое общество не могло бы прожить».

Над «Этикой» он работал до последних минут жизни. И именно потому, что к этой теме побудили его обратиться как раз события последнего времени. Глубокий гуманист не мог не заметить, что при переходе от XIX века к XX происходило неуклонное сокращение гуманистической составляющей в глобальной жизни человечества. С ничтожного повода началась полоса жестоких, беспощадных войн. В их систему оказалась встроена та самая революция в России, подготовкой которой занимались несколько поколений передовых людей страны, начиная с Радищева, декабристов и Герцена, мечтавших о смене самодержавного, крепостнического режима власти в России, тормозившего движение ее народа по пути прогресса, на который вступило большинство европейских стран, признавших большую гуманность и эффективность демократических форм управления.

Революция, начавшаяся в условиях империалистической войны, по существу, порожденная ею, оказалась деформированной. Как убедился воочию Кропоткин, она «пошла не по тому пути». По пути возрождения сильного, централизованного государства, то есть, по существу, того же самодержавия.

Долгая жизнь в условиях тоталитарного режима формирует массовое рабское сознание, преодолеть которое чрезвычайно трудно. Это понимал и Достоевский, но не так, как Кропоткин. В «Записках из Мертвого дома» он писал: «Тиранство есть привычка, оно... развивается, наконец, в болезнь... Самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят... Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, и возврат к возрождению становится для него почти невозможен». По Кропоткину, все гораздо проще. Да, он тоже полагал, что, если предоставить власть даже ангелу, у него вырастут рога, но лишение власти позволяет вернуться в состояние гармонии.

Согласно марксистской теории, государство возникло с появлением собственности, которую надо было защищать от посягательства. С позиций этического анархизма власть предшествует возникновению собственности. Корень ее — в психологии человека, в инстинкте властвования. Именно власть необходима для присвоения собственности и последующей ее охраны и защиты. А отнюдь не для защиты народных масс, как любят говорить «власть имущие».

Личность и «массы»

Мы признаем полнейшую свободу личности. Мы хотим полноты и цельности ее существования, свободы развития всех ее способностей.

П. А. Кропоткин, 1890

Всю свою долгую жизнь Кропоткин корректировал свои взгляды, всегда оставаясь при этом убежденным антиэтатистом, противником государственного управления обществом. В последние годы жизни он, видимо, был готов к новой коррекции, о чем можно судить по некоторым его послереволюционным высказываниям.

В составленной им почти полвека назад подчеркнуто антинечаевской программе для кружка «чайковцев» усматриваются черты «казарменного коммунизма», решительно отвергнутого им в последующем. В кружке «чайковцев» он был сторонником решительных действий, предлагая даже организовать на Урале партизанский отряд для поддержки крестьянского восстания, если оно произойдет. А когда речь зашла о хождении «в народ», он собирался идти в образе богомольца. Поддержав совершенное народовольцами покушение на жизнь Александра II, в дальнейшем он всегда выступал непреклонным противником всех видов террора.

Хотя он оставался противником частной собственности, предполагающей получение прибыли, определенная эволюция обнаруживается и в его критике капитализма и рыночных отношений. Достаточно сравнить «речи бунтовщика» со статьями об экспериментальных сельскохозяйственных фермах Канады и примиряющим выступлением на Государственном совещании в августе 1917 года. Он смог убедиться и в том, что все-таки идеализировал народную «массу», не всегда способную противостоять бездушной государственной машине, зачастую поддающуюся манипулированию.

В своем последнем письменном документе, названном «Что же делать?», он, признавая катастрофу, в которую ввергла страну диктатура одной партии, видит выход в собирании «людей, способных заняться строительной работой... честных, преданных, не съедаемых самолюбием работников-анархистов». До конца жизни он остается верен своей концепции безгосударственного общества, полагая, что управление людьми через власть может быть заменено добровольным соглашением, в котором учтены будут интересы всех.

Базирующаяся на естественно-научных основах, эта концепция не разработана в деталях и порой противоречива. Выступая, например, решительным противником частной собственности и капитализма, Кропоткин в то же время решительно защищал право каждого человека на свободу, как политическую, так и экономическую, но экономическое уравнивание и свобода несовместимы. Причем свободу он считал единственным действенным средством против, как он говорил, «временных неудобств, проистекающих из свободы». Безгранична была его вера в присущие изначально, природой данные народной массе высоконравственные качества. Человечество для него было так же едино, как природа. Между тем самые жестокие тоталитарные режимы устанавливаются именно при поддержке масс, ими, по сути, порождаются. Они создают иллюзию спокойной стабильности.

Некоторые из современных критиков Кропоткина упрекают его в том, что, ориентируясь на массу, он как бы не замечал отдельной личности. Но еще в 1890 году в очерке «Нравственные начала анархизма» он писал: «Мы не желаем, чтобы нами управляли. Но этим самым не объявляем ли мы, что мы в свою очередь не желаем управлять другими? Мы не желаем, чтоб нас обманывали, мы хотим, чтобы нам всегда говорили правду, но тем самым не объявляем ли мы, что мы никого не хотим обманывать, что мы обязываемся всегда говорить правду, только правду, всю правду? Мы не хотим, чтобы у нас отнимали продукты нашего труда, но тем самым не объявляем ли мы, что мы будем уважать плоды чужого труда?.. Принцип равенства обнимает собою все учения моралистов. Но он содержит еще нечто большее. И это нечто есть уважение к личности. Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства, мы тем самым отказываемся присваивать себе право... ломать человеческую природу во имя какого бы то ни было нравственного идеала. Мы ни за кем не признаем этого права, мы не хотим его и для себя. Мы признаем полнейшую свободу личности. Мы хотим полноты и цельности ее существования, свободы развития всех ее способностей. Мы не хотим ничего ей навязывать...»

И все же нельзя отрицать, что доверие к массе у Кропоткина выглядело чрезмерным. Оно и не могло быть другим, учитывая склад самой личности Кропоткина, совершенно уникальной. Он судил по себе, а «массу» видел составленной из личностей, таких же высокоразвитых, как он. Называя себя коммунистом-анархистом, он утверждал, что «коммунизм может быть только анархическим» и полное устранение власти государства над людьми возможно лишь при изменении цели производства: она должна заключаться не в получении индивидуальной прибыли, а в удовлетворении потребностей общества. Диалектического единства этих противоречий Кропоткин, вообще не признававший диалектики, не допускал.

Провозглашение торжества социализма в условиях укрепления государственности и подавления свободы, оказалось, как и предсказывал Кропоткин, ложным. В то же время план распределения государственной собственности между всеми членами общества оказался в условиях постсоветской России абсолютно нереальным. На основе этого «социализма» и государственной («общенародной») собственности на родине Кропоткина легко возродились крупная частная собственность и капитализм с тотальной коррупцией и невероятным социальным неравенством, когда разрыв доходов богатых и бедных стал едва ли не наибольшим в мире. Кооперативное же движение, начавшееся в первые годы перестройки, на которое более всего рассчитывал Кропоткин, не получило почти никакого развития в России — место кооперации сразу же заняли капиталистические, торговые-спекулятивные структуры.

И все же говорить о несостоятельности кропоткинских идей было бы преждевременно. Их можно называть младенчески наивными, утопическими, как это уже сделал посетивший Кропоткина в 1918 году Иван Алексеевич Бунин. В книге «Окаянные дни» он так описал свое впечатление от встречи с ним в Москве: «Совершенно очаровательный старичок высшего света — и вполне младенец, даже жутко...» И доля истины в этом есть. «Будьте как дети», — сказано в Новом Завете. «В глубине своей души Петр Алексеевич, — свидетельствовал В. Г. Чертков, — был... идеалистом чистой воды». Действительно, слово «идеал» встречается на страницах его работ достаточно часто, начиная с первой народнической программы

«Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?». Свои лекции, прочитанные в 1901 году в США, изданные потом отдельной книгой, он озаглавил «Идеалы и действительность в русской литературе». Естественно, в его последней книге «Этика» слово «идеал» упомянуто неоднократно.

Необходимость «рассмотрения идеала» — важнейшая идея Кропоткина. Идеал — это цель, к которой надо стремиться, без которой невозможно движение вперед, невозможен прогресс в развитии ни общества, ни каждого человека в отдельности. Необходимое условие — самодисциплина, ответственность каждого за свои действия. Собственно, анархия, понимаемая как свобода, ненасилие, солидарность и взаимопомощь, и есть тот идеал, к которому стремится человечество. Никакого другого идеала быть просто не может. Карьера, личный успех, обогащение, овладение собственностью, привилегиями, властью над другими людьми и их судьбами — все это в конце концов (именно в конце концов!), если хорошо подумать, не может быть идеальными целями для человека.

Поиск социальной гармонии

“ ...Видел вещи такими, какими он желал бы, чтобы они были, и какими, как мы все надеемся, они когда-нибудь будут.

Эррико Малатеста

Идеи Кропоткина продолжают жить. Понемногу они реализуются, притом в разных странах мира. Во многих регионах земного шара наблюдается постепенный переход от унитарного государства к федеративному, выражающийся в постепенном ослаблении властных полномочий центра, вмешательства государства в экономику и в личную жизнь людей. Укрепляются взаимосвязи между людьми, возникают элементы самоуправления, взаимного соглашения и сотрудничества, а вертикальную структуру управления государством заменяет переплетение многоуровневых горизонтальных связей в обществе. Далеко не всегда и не везде это происходит, но тенденция обнаруживается.

Несомненно расширяется сфера использования взаимопомощи, особенно заметной при грандиозных стихийных катастрофах — землетрясениях, наводнениях, ураганах. Ни в XIX, ни в XX веках такого не было. Помощь пострадавшим странам принимает поистине глобальный характер.

Кропоткин решительно выступал против смертной казни, которую он называл «узаконенной местью», против системы наказаний через тюрьмы, представляющие собой не что иное, как «университеты преступности». И вот в современном мире (опять-таки не всегда и не везде) идет процесс гуманизации наказаний; отмена смертной казни стала, например, одним из важнейших условий вступления в Европейский союз. С появлением Интернета, о котором не мог знать человек, рожденный в XIX веке, каждая личность получила возможность самовыражения, свободного от запретов, устанавливаемых властью, возникла основа для объединения людей, одинаково думающих и чувствующих. Над их самоорганизацией в

Интернете не властны государственные структуры... Это вполне в духе Кропоткина.

Кажется возможным сопоставить П. А. Кропоткина с очень известным человеком следующего за ним поколения, родившимся как раз в год его смерти, в 1921-м. Это академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Есть некоторое сходство и в их биографиях, и в их нравственном облике, но главное — в их взглядах на развитие общества. Как и Кропоткин, Сахаров отказался от научной карьеры, в которой достиг уже высоких ступеней, и от личного благополучия, посвятив себя борьбе с тоталитарным государством за правду и справедливость. Он не мог заниматься одной наукой, когда не решены важнейшие проблемы в обществе, и, несмотря на репрессии и унижения, вступился за права человека и новые формы отношений между людьми, исключая конфронтацию и насилие. Так же как и он, Кропоткин отказался от сословных привилегий и руководящей роли в науке, пройдя через две тюрьмы и тяготы подполья и эмиграции, но сохранил верность своим идеалам свободы и справедливости. Но главное — удивительно похоже их понимание того, каким должно быть общество будущего.

В речи по случаю получения Нобелевской премии мира, прочитанной в Стокгольме его женой Еленой Боннэр, академик Сахаров высказался за «гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем, лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок». По существу, Кропоткин всю свою жизнь утверждал такие же принципы общественной жизни. Разница лишь в том, что жили два этих великих человека, очень конечно же не схожие и по происхождению, и по жизненному пути, в разное время. Во времена Кропоткина разрыв между идеалом и действительностью был настолько велик, что преодолеть его казалось невозможным без решительного революционного переворота всех общественных структур. Результат же революции ему представлялся таким: «Общество, которое... ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности, свободно проявляются и взаимно уравниваются и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять всю свою энергию в этом направлении. Это общество — самоорганизующееся, саморегулирующееся, самоуправляющееся. Это общество народоправства» — так писал Кропоткин в работе «Анархия и ее место в социалистической эволюции», вышедшей в свет в 1918 году.

И Кропоткин, и Сахаров считали добровольное соглашение основной формой человеческих отношений и внутри страны, и на международном уровне. Кстати, Сахаров говорил и о взаимопомощи, хотя и не ссылаясь на своего предшественника. Каким бы сильным ни было централизованное государство, оно не может вырвать с корнем, по словам Кропоткина, «чувства солидарности, глубоко коренившегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всею нашею предыдущей эволюцией...». Уже в первые годы XX века Кропоткин предвидел, что потребность во взаимной помощи и поддержке постепенно становится «главным двигателем на пути дальнейшего прогресса». И несмотря на постоянные срывы, торможение, возвраты назад, процесс продолжается в том направлении, на которое указывал с глубокой верой в человека Петр Алексеевич Кропоткин. Его вера основывалась на знании и понимании природных закономерностей.

Он считал, что нет центральной власти во Вселенной, которая управляла бы всеми ее атомами и молекулами, соединяющимися в галактики и звезды. Так же нет и центра, из которого происходит управление процессом познания. И для материального, и для духовного мира в равной степени характерна самоорганизация. Эту идею Кропоткин выводил из представлений Александра Гумбольдта о многообразии как основе единства и гармонии в Природе. Столь великое разнообразие может существовать лишь на основе такого же множества связей и взаимозависимостей.

Через столетие после интуитивных построений Кропоткина теория самоорганизации была научно обоснована Ильей Пригожиным, книга которого «Порядок из хаоса» вышла на русском языке в 2000 году. Русский эмигрант, лауреат Нобелевской премии по химии утверждал: «Поддержание организации в Природе не достигается (и не может быть достигнуто) управлением из единого центра; порядок может поддерживаться только с помощью самоорганизации. Самоорганизующиеся системы делают возможной адаптацию к преобладающей окружающей среде, т. е. реагируют на изменения в окружающей среде, и именно их термодинамический отклик делает такие системы чрезвычайно гибкими и устойчивыми к возмущениям внешних условий».

И еще одного человека хочется вспомнить в связи с Кропоткиным — создателя учения о ноосфере Владимира Ивановича Вернадского. Они — современники, хотя, когда Кропоткин вступил в просветительско-пропагандистский кружок «чайковцев», студент Петербургского университета Вернадский состоял в образовательном Научно-литературном кружке (НЛК). Первоначально чисто культурологический, он становился все более радикальным и был закрыт властями, когда его секретаря студента-зоолога Александра Ульянова казнили за подготовку покушения на Александра III. В. И. Вернадский принял активное участие в событиях 1905 года, будучи сторонником «революции сверху», при сохранении монархии, ограниченной конституцией, в которой вопрос о правах человека, однако, должен быть главным. Одно время в юности он думал о создании какого-то подобия анархо-государственной партии, полагая, что свобода личности должна сочетаться с государственной организацией. Потом Вернадский стал одним из организаторов широкого земского движения в России и основателей партии конституционной демократии (кадетов), считавшей себя победительницей в революции 1905–1907 годов. В ее результате состоялись выборы в Государственную думу, а Вернадский стал членом Государственного совета.

Одинаковой была их реакция на развязанную Германией в 1914 году войну: оба решительно выступили за сопротивление германской агрессии, не приняв пораженческого лозунга большевиков. Кстати, свои «Письма о текущих событиях», посвященные войне, Кропоткин публикует в газете кадетов «Русские ведомости». Оба приветствовали Февральскую революцию как завершение начатой еще декабристами борьбы против самодержавия, за демократизацию России. Вернадский вошел в состав Временного правительства, а Кропоткин отказался, приняв участие в Государственном совещании в Москве в августе 1917 года.

Вернадский сразу же резко отрицательно воспринял захват власти большевиками и, оказавшись под угрозой ареста, уехал из Петрограда. В феврале 1921 года В. И. Вернадский, находясь в Симферополе, записал: «Поразителен аморализм современной

эпохи — ее активных деятелей. Цель оправдывает средства, и этим определяется все. А сама цель такая, из-за которой не стоит биться... Это великий кризис эгалитарного демократизма... Рабы, преступники, невежды и трусы ведут. Куда приведут?» Однако любовь к родине и преданность науке одержали верх над сомнениями. Вернадский вернулся в Москву и включился в работу по восстановлению народного хозяйства. По предложению академика А. Е. Ферсмана он был заочно включен в состав комиссии Академии наук по увековечению памяти Кропоткина. Вскоре вышла его книга «Статьи и речи», где он назвал работы Кропоткина, посвященные проблеме ледникового периода, «совершенно выдающимися по самостоятельности и глубине мысли...».

Как и Кропоткин, Вернадский понимал природу как единое целое, все явления и процессы в которой связаны множеством горизонтальных связей. Размышляя о космической сущности жизни, В. И. Вернадский пришел к учению о биосфере и ноосфере. П. А. Кропоткин мыслил в рамках биосферной концепции, еще не зная ее. В созданной В. И. Вернадским теории ноосферы не рассматриваются проблемы нравственности. Однако за два года до смерти он вернулся к юношеским размышлениям и предположил, что на ноосферной основе возможно будет создание научной этики, не связанной с религией. Над такой этикой и работал Кропоткин, убежденный в том, что законы нравственности восприняты человеком у природы. Без этической составляющей она становится всего лишь бесчеловечной техносферой. Таким образом, этическое учение П. А. Кропоткина можно рассматривать как существенное дополнение ноосферной концепции В. И. Вернадского. Формирование ноосферы невозможно без установления между людьми отношений ненасилия, взаимосогласия, взаимопомощи. Этот фактор эволюции всего живого на Земле, несомненно, является и условием формирования на Земле сферы разума — ноосферы.

Недостатки в учении Кропоткина — продолжение его достоинств. Причина же их — в уникальности самой личности Петра Алексеевича. Он строил свою теорию в значительной мере субъективно, опираясь на свой менталитет и опыт. Сейчас некоторые его критики говорят, что, гипертрофируя созидательную роль народных масс, он как бы не замечал отдельной человеческой личности. Это не совсем так: в статьях и книгах им подчеркивается неповторимость каждой личности, и, говоря о массе, он имеет в виду, что ее образует именно сочетание свободных, самостоятельных, самоорганизующихся личностей. Он прекрасно знал о том, что порабощенная масса не способна к высшим формам взаимопомощи и солидарности, не может самоорганизоваться для свободного творчества форм самоуправления. Поэтому он такое значение придавал освобождению общества от власти государства.

Идея свободы, ненасилия и справедливости не гаснет в веках. Она неистребима. Ведь ей противостоять может только та самая «мыслебоязнь», о которой писал Кропоткин еще в 1874 году. Она родственна позже появившейся формуле чеховского Беликова, «человека в футляре»: «Как бы чего не вышло!» А что же может выйти? Только ослабление власти, некоторая ее утрата. Опасение властей вызывает то, что вдруг верх возьмут вольнодумцы, которые вдруг захотят «творить, что хочешь» и «говорить, что хочешь», а то и вообще решат, что можно жить без царя. Вот этого и боятся власть имущие, более всего на свете озабоченные неизменностью, стабильностью политической системы.

1921 год

“ «Но перед раскрытой могилой старого революционера мы, его идейные противники, невольно обнажаем голову... Несмотря на свои заблуждения и ошибки, Кропоткин всегда и до последних дней остался храбрым солдатом на войне за освобождение человечества».

Из некролога П. А. Кропоткину в газете «Советская Сибирь», 1921

В самом начале наступившего 1921 года к постоянно мучившей Петра Алексеевича болезни сердца добавилось воспаление легких. Возможно, он простудился, играя в нетопленной комнате на рояле этюды Скрябина, ноты которых ему привезли из Москвы. В. Д. Бонч-Бруевич сообщил о болезни Кропоткина Ленину, который распорядился отправить в Дмитров специальный поезд с продовольствием, не подлежащий осмотру и конфискации, а также лучших врачей во главе с наркомом здравоохранения Н. Я. Семашко и профессором Д. Плетневым. Состоялся консилиум, после чего врачи уехали и с больным остался его друг, врач по специальности, Александр Атабемян. «Известия ВЦИК» стали каждый день публиковать бюллетени о состоянии здоровья больного. 23 января наступило некоторое улучшение, и появилась надежда на выздоровление. Петр Алексеевич смог заняться корреспонденцией, и в прессу попали его слова: «Меня огорчает, что людям, столь занятым и заваленным работой, пришлось пожертвовать драгоценным для них временем и, быть может, отдыхом... Я не понимаю, от чего меня лечат...»

Но улучшение было недолгим. Через неделю внезапно снова поднялась температура — начался второй этап воспаления легких. Теперь с каждым днем ему становилось хуже. Он надолго терял сознание, периоды просветления становились все короче и короче. В один из таких моментов больной принялся рассказывать о своей самой большой сибирской экспедиции и на конверте Общества сближения с Англией начертил свой олёкминско-витимский маршрут: от Лены на Витим, потом на юг, через долину Муи, к Чите. По-видимому, ему вспомнилось наиболее яркое впечатление жизни...

Петр Алексеевич Кропоткин скончался в ночь на 8 февраля в 3 часа 10 минут. Через день прибыл специальный поезд, на котором гроб с телом был доставлен в Москву и установлен в Колонном зале Дома труда (потом он стал называться Домом союзов), в том самом зале Дворянского собрания, где 70 лет назад мальчик Петя в восточном костюмчике заснул на коленях российской императрицы и был пожалован монаршей милостью — определен учиться в Пажеский Его Величества корпус...

Три дня шло прощание с покойным в Колонном зале. 13 февраля состоялись похороны. Похоронная процессия растянулась во всю длину Волхонки, Пречистенки, Большой Царицынской (ныне Большая Пироговская), в ней участвовали и представители правящей партии. По просьбе вдовы и дочери Кропоткина, во исполнение его последней воли, на время похорон под честное слово были отпущены из внутренней тюрьмы ВЧК заключенные-анархисты. Но, когда гражданская панихида закончилась и настал момент выноса гроба,

узников еще не было. Тогда анархисты, приехавшие из Дмитрова, изготовили специальное «знамя протеста» и отказались выносить гроб, пока не придут их товарищи.

Только через полчаса, по указанию председателя Моссовета Льва Каменева, семеро заключенных во главе с организатором анархистской конфедерации «Набат» Ароном Бароном и Ольгой Таратутой были доставлены к месту прощания. Они шли с черным знаменем протеста впереди колонны из десятков тысяч людей, пришедших на похороны. Когда траурный кортеж приблизился к дому Льва Николаевича Толстого на Пречистенке, работники музея вынесли бюст великого писателя, а хор Большого театра исполнил фрагмент православного канона «Вечная память», что было совсем не в новых, советских обычаях.

Более двух часов двигалась траурная процессия к Новодевичьему кладбищу. Был ясный, морозный день, и зимнее солнце освещало заполненные народом улицы, множество красных и черных знамен. Венков было не менее восьмидесяти. Государство, с действиями которого этот человек не соглашался, решило использовать в своих интересах популярное во всем мире имя. Поэтому на первом месте были венки от ЦК РКП(б), Исполкома Коминтерна, Совнаркома и ВЦИКа, а потом уже от политкаторжан, партии левых эсеров, Академии наук, двух факультетов Московского университета, студентов, работников просвещения Дмитровского уезда, от толстовских и множества анархических организаций.

На гражданской панихиде выступил бывший секретарь Толстого В. Ф. Булгаков: «В лице Кропоткина мы хороним одного из благороднейших защитников человеческой личности, одного из вдохновеннейших певцов свободы, — той свободы, самое понятие, самое имя которой уже стыдимся теперь произносить!.. Надо действительно углублять революцию, а не считать (смешно сказать!) революцией то насилие, которым кучка правящих людей защищает себя...» Еще более резко прозвучала речь анархиста Арона Барона. Он говорил о новом деспотизме, о палачах в подвалах ЧК, о том, что революция оказалась предана и растоптана. Он, как и остальные отпущенные, вечером вернулся в свою камеру. В 1937 году его расстреляли.

Многое произошло в 1921 году. Это был год Кронштадтского мятежа, первого массового выступления против лицемерной, по сути, антинародной политики власти, называвшей себя народной. Это был год крупнейшего крестьянского восстания в Тамбовской губернии и сильнейшего голода в Поволжье (и не только в Поволжье), охватившего десятки миллионов людей. В Советскую Россию приехал лауреат Нобелевской премии мира Фритьоф Нансен, организовавший в Европе сбор помощи голодающим. То был акт солидарности и взаимопомощи, вполне по Кропоткину. Но Нансен смог убедиться, что новому русскому государству, возмнившему себя лидером мировой революции, эти гуманитарные идеи чужды. Общественный комитет помощи голодающим (Помгол), почетным председателем которого был избран Короленко, был ликвидирован по указанию Ленина (7 августа 1921 года он написал Сталину: «Необходимо закрыть Помгол и всех его членов расстрелять...»). Вождь пролетариата опасался буржуазного влияния из-за границы. А Короленко умер как раз в день закрытия Помгола.

В этом же году был расстрелян поэт Николай Гумилёв, ушел из жизни Александр Блок. Двумя годами ранее, в ноябре 1919 года, Блок выступил с докладом «Крушение гуманизма» на открытии Вольной философской ассоциации (Вольфила). Это общество свободной мысли было создано группой деятелей культуры в период становления в России жестокой большевистской диктатуры. Среди основателей, кроме Блока, были Андрей Белый, философ и публицист Иванов-Разумник, поэт Владимир Пяст, романистка Ольга Форш, художник Кузьма Петров-Водкин. В комнате на третьем этаже дома на правом берегу Фонтанки, почти напротив Аничкова дворца происходил пока еще не запрещенный свободный обмен мыслями. На одном из последних заседаний этого общества прошел вечер памяти Кропоткина. Завершая его, Иванов-Разумник сказал: «Анархизм есть дальняя веха, к которой мы все идем, и имя Кропоткина всегда будет развеиваться знаменем на этом далеком маяке для всего человечества». В 1922 году деятельность Вольфила была, как и следовало ожидать, запрещена властями.

Судьба музея Кропоткина

“ Музей Кропоткина во второй половине 20-х годов был чуть ли не единственным в Москве незаконспирированным островком свободной мысли...

В. В. Налимов

Путь, на которой вступило Российское государство после 1917 года, во многом расходился с идеями Кропоткина, предостерегавшего от такого развития событий. Тем не менее его имя не было вычеркнуто из истории страны. Правда, парадоксальным образом сохранилось только имя, а его духовное наследие предавалось забвению. И это несмотря на достаточно долгое (с 1921 по 1939 год) существование Всероссийского общественного комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина — до 1934 года его возглавляла В. Н. Фигнер, а затем вдова Петра Алексеевича Софья Григорьевна.

В Кропоткинский комитет входили анархисты всех оттенков, включая толстовцев и мистических анархистов, бывшие народники, старые революционеры — узники царских каторжных тюрем и ссылки и ученые (среди них — академики В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман). Старые народовольцы, большая часть которых вступила в партию эсеров, объединились в кружок по восстановлению и уточнению истории народовольческого движения при Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев — ОПИС. Этот историко-революционный кружок действовал в стенах Кропоткинского музея, образуя своеобразный научно-исследовательский центр. В его работе принимали участие теоретик-анархист профессор А. А. Боровой, основатель журнала «Почин» А. В. Атабекян, председатель Русского технического общества, профессор Горного института П. А. Пальчинский, известный деятель кооперативного движения, председатель правления Московского народного банка В. А. Перелешин, писатель-географ С. С. Анисимов, популяризатор науки Н. К. Лебедев, видный политик и земский деятель Д. И. Шаховской. Эти люди, представлявшие собой различные слои интеллигенции, образовали вокруг музея

общество братства, солидарности и взаимопомощи, о котором говорил в своей последней записке Петр Алексеевич Кропоткин.

В то же время возникли очень серьезные разногласия между традиционными анархистами, считавшими главной своей задачей борьбу с государством и переустройство общества, и анархистами этическими (или, как их чаще называли, мистическими), которые были убеждены в том, что начинать надо с нравственного совершенствования личности, следуя кропоткинским принципам ненасилия, самоорганизации, взаимопомощи и солидарности. Наиболее крупной фигурой среди них был Аполлон Андреевич Карелин (1863–1926), народоволец и профессор Высшей школы социальных наук в Париже, автор книги «Вольная жизнь», развивавший этическое направление в анархизме. Неоднократно арестовывавшийся на родине, он жил в эмиграции (в США он редактировал анархический журнал «Голос труда», который высоко оценивал Кропоткин). Вернувшись в Россию с идеей духовного рыцарства, он стал создавать кружки («ордена») саморазвития и совершенствования, чем-то отдаленно напоминая кружок «чайковцев». Участники орденского движения называли себя «тамплиерами», хотя ничего общего со средневековым орденом храмовников они не имели. Это было духовное движение среди интеллигенции, к которому примыкали такие деятели театра и кино, как Юрий Завадский, Сергей Эйзенштейн, артист Художественного театра Михаил Чехов...

Когда Аполлон Карелин умер в марте 1926 года, гроб с его телом был доставлен в музей Кропоткина, где состоялась гражданская панихида, и оттуда — на Новодевичье кладбище. В похоронах участвовало около полутора тысяч человек. Это была последняя массовая акция анархистов, разрешенная властями. Ученик Карелина Алексей Солонович продолжил его дело. Он окончил в 1914 году физико-математический факультет Московского университета и был профессором МВТУ имени Баумана. Следуя заветам «позднего» Кропоткина, он говорил: «Сущность анархизма — в вечном беспокойстве, вечном отрицании, вечном искании... Ибо в них — свобода и правда». И еще он писал в своих тетрадях о том, что «гармония между личностью и обществом недостижима, но она служит двигателем дальнейшего развития. Надо только не опускаться до уровня масс, а поднимать каждого индивидуума до уровня личности...». Это было развитие кропоткинских представлений об этической подготовке людей. А тогдашнюю власть он охарактеризовал такими словами: «Большевики являются не более не менее, как акционерным обществом жрецов капитала, облаченного в порфиру государственной власти, и как все конкистадоры, увешаны оружием, хвастовством и неизбывным лганием перед массами». Арестованный в 1936 году, он умер в 1937-м в результате объявленной им голодовки.

С рукописными тетрадями Солоновича познакомился и опубликовал их частично в своей книге «Канатоходец» в 1994 году его ученик Василий Васильевич Налимов (1910–1997), философ и математик, работавший с академиком А. Н. Колмогоровым. Он дважды прошел через ГУЛАГ. Изучая книги Кропоткина, Налимов обратил внимание на то, что, «...несмотря на свою приверженность позитивистки ориентированной науке, он был, по существу, христианином...». «Разве... концепция всеобщей взаимопомощи не близка христианскому принципу всеобщей любви?» — вопрошает он в другой своей книге «Разбрасываю мысли», изданной уже после смерти ее автора в 2000 году. Налимов участвовал в собраниях, проходивших в подвальном помещении музея, вспоминая потом, что именно там, на этом

«островке свободной мысли», он «впервые почувствовал ее дыхание».

Власть увидела угрозу в деятельности содружества последователей Кропоткина. На рубеже 1920-х и 1930-х годов были арестованы Боровой, Пальчинский, Карелин и другие, закрыта анархическая секция комитета. На вечере памяти Бакунина 1 июля 1926 года было сорвано выступление вдовы Кропоткина Софьи Григорьевны, когда она, как писала тогда «Вечерняя Москва», «осмелилась сказать, что у нас нет ни свободы печати, ни свободы слова».

Публика, по словам корреспондента газеты, не смогла выдержать «выходки и ребяческие утверждения анархистов» и «старой Кропоткиной не пришлось закончить свою речь».

В конце 1933 года В. Н. Фигнер заявила о снятии с себя полномочий председателя комитета, но, уступив просьбе товарищей, согласилась остаться его почетной председателем. В начале 1930-х годов С. Г. Кропоткина съездила в Лондон и организовала перевозку в Москву остававшегося там кропоткинского архива: он был размещен в музее. Здесь время от времени проходили собрания памяти Кропоткина, но с ограниченным количеством участников. Музей часто закрывался по разным причинам. Хотя формально запрета на имя Кропоткина не было, но неодобрительное отношение власти чувствовалось. Началась эпоха «переписывания» истории, в которой не оставалось места ни революционерам-народникам, ни, тем более, анархистам. Одним из последних заходил в музей 10 февраля 1938 года академик В. И. Вернадский. В дневнике он записал свои впечатления: «...Анархистов там теперь нет... Нет прочного положения. Вдова Кропоткина не хочет обращаться за утверждением. Только недавно обратилась за пенсией». На содержание музея средств не было. Софья Григорьевна подписала акт о передаче музея и всех его экспонатов государству, а в 1940 году он был официально закрыт. Материалы экспозиции переданы Музею революции, в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), книги из личной библиотеки П. А. Кропоткина — Музею книги при Библиотеке имени В. И. Ленина. Софья Григорьевна поселилась в Дмитрове. 17 декабря 1942 года она скончалась.

Изучение личности и взглядов П. А. Кропоткина в СССР активизировалось только в 1970-е годы — во многом благодаря усилиям известного историка Натальи Михайловны Пирумовой (1923–1997), которая в 1972 году издала первую научную биографию Кропоткина. Позже была создана комиссия Академии наук по творческому наследию Кропоткина, возникла неформальная группа молодых историков по изучению идей анархизма, делались попытки воссоздать музей на Кропоткинской, здание которого в то время принадлежало Министерству иностранных дел. Сейчас у него другие хозяева, но музея по-прежнему нет — экспонаты его рассредоточены по разным коллекциям, а многих уже и не отыскать. Не раз делались попытки создать музей Кропоткина в Дмитрове, в его бывшем доме, но и они пока не увенчались успехом.

...В 1922 году в помещении музея в Кропоткинском переулке, только что учрежденного в соответствии с постановлением ВЦИКа, состоялся вечер памяти Кропоткина. Выступившая на нем председатель Кропоткинского комитета народоволка Вера Фигнер, более двадцати лет проведшая в одиночной камере Шлиссельбурга, говорила: «Ну что из того, что я скажу, что меня поражала необыкновенная подвижность Петра Алексеевича? Что из того, что я скажу, что с первого же раза, не зная, что и другие так зовут его, я стала звать его „Красным солнышком“? Суть в том, что в душе своей ощущаю Петра Алексеевича не на деловых заседаниях в Париже, а того юношу-офицера, который на высоте Азиатского

хребта стоит с восхищенными казаками, указывая на струящиеся воды Амура»...

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 5 июля 2025 02:24:12

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 5 июля 2025 02:27:59